

А. Г.: ЧЕЛОВЕК – ЛЕГЕНДА *

Татьяна Ланге

Технический университет, г. Мерзебург, Германия

1) Первый учитель

Около десяти лет тому назад приехали мы с мужем в деревню Оберамальгау на знаменитое многочасовое представление библейской истории Христа. Каждый год со всего мира приезжают туда люди с ночевкой, чтобы увидеть это необычное театральное зрелище, "приготовленное" жителями этой деревни и проводимое на лесной сцене.

В перерывах для обеда и кофеития, люди стремятся в рестораны, где из-за большого количества гостей против немецких привычек люди сидят за одним столом. У всех особое эмоционально повышенное настроение и поэтому повышенная необходимость общаться.

За нашим столом сидела симпатичная немолодая пара... Разговорились... Собеседников удивила моя специальность... "Профессор по авторегулированию и женщина?!" А меня ещё больше удивила специальность собеседника: один из шестнадцати членов конституционного суда Германии, который находится в Карлсруе. Специализация - еще интереснее: Права о духовном (ну, конечно, и материальном) наследстве (не наследии) в искусстве и литературе. Он рассказал много интересных случаев, в частности о русских писателях.

Вдруг, не помню каким образом, нашли общего знакомого, Франца Мэша, профессора измерительной техники из Карлсруэ, друга А. Г.

"Ах, я вспоминаю, я слышал о Вашем А. Г. от Мэша. Скажите, что в Вашем А. Г. такое необыкновенное? Ведь так это? Так я понял тоже от Мэша". Мы подружились с этой четой и они прислали мне книгу "Первый учитель" Камю. "Я ещё раз прочел эту необыкновенную книгу Камю и думал о Вашем рассказе об А. Г. ..."

Да, действительно А. Г. был необычный и именно, видимо, поэтому необыкновенным человеком.

*) Посвящается моему первому учителю "науки и жизни" Алексею Григорьевичу Ивахненко, человеку и ученому, заслуг, эпитетов и званий не пишу: "Нельзя объять необъятное". Почти все его называли "любовно" А.Г.

2) "Скажи мне, кто твой друг и я скажу, кто ты"

И до, и после случая в Оберамальгау я встречала в разных уголках мира людей, которые знали А. Г. или об А. Г. Многие из них были сами тоже необычные. У них было много общего: смелость, не знающая национальных и политических границ, оригинальность взглядов, доброжелательность, эмоциональность, рискованность и большое сердце, упрямство объяснить и покладистость понимать...

Мой муж, мой одноклассник по КПИ, был немцем из ГДР (муж ещё есть, ГДР уже нет). Перед моим переездом в ГДР, я думала, где там можно работать, если я хочу заниматься наукой. А. Г. дал мне список своих друзей, близких мне по специальности, и которые могли бы взять меня на работу. Я объехала пол-списка: ученые были один интереснее другого. Трудно было выбрать, но встретив профессора Райниша, я просто была не в силах продолжить объезд по списку, я нашла своё научное счастье.

Осталась в Ильменау, крошечном (после Киева) тюрингском предгорном городишке. Я не знала, что структура культурной жизни в Германии совсем другая, чем на моей Родине, да и в остальной Европе, и совсем ортогональная понятию большого/маленького города. Но подумала, если Райнишу здесь не скучно, то и я не соскучусь.

И не соскучилась. Только иногда, глядя из окна моего бюро, повторяла:

"Горные вершины

Спят во тьме ночной;

Тихие долины

Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,

Не дрожат листья...

Подожди немного,

Отдохнешь и ты. "

"Таня", говорил А. Г. "Прочтите Райнишу Лермонтова. Узнает ли он в нем Гёте".

Райниш не знал русского, но знал, что Гёте написал "Über allen Gipfeln ist Ruh", сидя на горе напротив холма, на котором был построен позже наш университет. Райниш по моему виду, хоть не сразу, но догадался.

Лишь позже я поняла, что работаю у самого знаменитого специалиста по авторегулированию в ГДР. У него на интернациональных осенних коллоквиумах собирались интереснейшие ученые и очень многие из них знали А. Г.

3) Мой адрес не дом и не улица, мой адрес планета Земля

Однажды приехал профессор Оппельт, основатель немецкой кибернетики. Вернее не приехал, а почти прилетел на своем малюсеньком самодельном самолете. Самолетик оставил на стороне Западной Германии, а сам перешел через пешеходную границу, откуда его привезли в университет. Ему было уже лет девяносто и летать с ним его коллеги уже побаивались. Сам же он шутил: "Мы летаем теперь только вдвоем: Паркинсон и я". Узнав, что я ученица А. Г., рассказал забавную историю.

"Когда я своим настырным любопытством в конце концов пробурил "китайскую стену" угрюмых и недоверчивых и вынырнул уже у своих - киевских друзей - ученых, то моему любопытству захотелось ещё больше... За рюмочкой я спросил А. Г.:

"На Крещатике я почти не встретил "угрюмых и недоверчивых". Что они только на границах сидят? А что если ещё поближе разных людей увидеть? Попасть бы в больницу дня на три?"

Стал есть вне меры. Особенно нажимал на икру. Стало вправду плохо. Вызвали врача. Хотели иностранца отвезти в ЦЛК¹, но я настоял на том, чтобы в обычную, Октябрьскую больницу. Этих трех дней в больнице мне не забыть никогда. Как поили, как кормили. Какой там угрюмый и недоверчивый. Все добрейшие и весёлые. Я только всё время думал не перепутали ли меня с какой-либо сверхважной персоной. Ах, фрау Ланге, угрюмые и недоверчивые наверно концентрируются только вдоль национальных границ: географических и душевных границ у людей ограниченных. А граница - дело очень условное и временное".

4) "Пане, не догнали".

Однажды А. Г. рассказал историю о своем любопытстве. До запрета А. Г. ездил два или три раза за границу. Впервые это была поездка в Берлин. Через Варшаву. Остановка в Варшаве. Интересно, любопытно... Вышел. Зима. Это были пятидесятые годы. "А можно пройтись по вокзалу?" "Можно". Пошел посмотреть. Поезда ходили тогда не точно.

Вернулся вовремя, смотрю, а поезд ушел, только хвостик виден. Поднял шум, ведь все осталось в поезде: шапка, пальто, документы, подарки...

Снарядили дрезину с двумя железнодорожниками, и погнались за поездом. Гнались, гнались. Через час железнодорожники говорят: "Пане, не догнали!!" И это в поле, в снегу, уже далеко от Варшавы. Холод. Вернулись в Варшаву. И лишь на следующий день поехал я в Берлин к моей шапке и другим причиндалам..."

---

¹ ЦЛК – Центральное Лечебное Управление – правительственная клиника

После этого рассказа мы с мужем и многие наши друзья, когда что-то наверняка не удалось, говорят: "Пане, не догнали!"

5) Слова, помогающие жить.

"Знаете, Володя", - говорил А. Г. моему брату, "когда мне вдруг очень трудно и сил не хватает, а у меня много детей и ещё больше аспирантов, которые как раз во мне нуждаются и на меня надеются, тогда я начинаю представлять себе, что я - тигр, я - сильный, и если уж мне трудно, то кому тогда легко? И как-то силы снова приходят сами по себе"

Как-то в нелёгкий момент моей жизни А. Г. сказал: „Таня, жизнь как зебра, имеет черные и белые полосы. Чёрная обязательно пройдет и наступит белая.“

Позже это высказывание А. Г. стало „крылатой фразой“ на „Сименсе“. Вскоре после того, когда в 90^x годах дивизия моего мужа очень успешно создала первую в мире предоплатную карту для мобильной телефонии, вдруг стало усиливаться конкуренция и начали наступать более тяжёлые времена. Тогда как-то на предрождественском вечере мой муж продемонстрировал мысль А. Г. на забавном изображении зебры по которой пробираются его сотрудники среди тени и света. Это было утешение и многие помнят это до сих пор.

Когда я иногда слегка жалела, что получила не математическое образование, а инженерное, А. Г. шутил: „Знаете, жизнь коротка. Нам надо придумывать и находить решения. А доказывают пусть математики, у них жизнь скучнее и длинее.“

Позже я прочла у Эйнштейна, что когда он в молодости думал для себя „математика или физика?“, он, прочтя прекрасный 21-томный учебник Бернштайна по естественным наукам, решил „поближе узнать Вселенную“ и избежать соблазна на всю жизнь „заиграться“ на доказательствах в одной из тысячи математических игр.

Знаете, Таня, никогда не страдайте, если у Вас украли идею. Если это единственная идея, то что толку? А если у Вас их много, то в чём же дело?"

"Таня, если Вы заметили у кого-то что-то хорошее, положительное, никогда не молчите, не стесняйтесь и сделайте комплимент. И всем будет лучше. Ведь жизнь коротка!"

6) А. Г. и старость?

Когда А. Г. было за шестьдесят, он тяжело заболел. Многие уже внутренне с ним прощались, но он выкарабкался и ещё более тридцати лет жил, работал и выглядел счастливым.

Когда "тигр" стал старым и слепым, шел он однажды по коридору института кибернетики. Было поздно и он думал, что он один. Мой брат его увидел и был поражен как он состарился и как, ему почти слепому, трудно ходить. Вдруг А. Г. почувствовал, что на него смотрят, встряхнул с себя лет сорок и сказал бодрым молодым голосом, выпрямившись как будто ничто не болит: "А ? Володя ? Как рад я Вас видеть!"

В конце девяностых годов, когда А. Г. было далеко за восемьдесят, встретились мы на конференции в Праге. Доклад А. Г. делал уже не видя слайдов, только по памяти, кто-то меня спросил: "Вот так человек! Ему уже наверное за семьдесят?" "Нет, ему нет ещё и девяносто лет".

После конференции поехали в дом братьев Ивана и Вацлава Гавела. Гавел был тогда президентом Чехии. Жена Ивана, Даша, бывшая аспирантка А. Г., организатор конференции. Когда приехали к дому, поставили её и мою машину на одно разрешенное место. Вся компания праздновала до утра, и Даша сказала, что было почти также особенно, как когда Вацлав вышел из тюрьмы и стал президентом. Но в полночь Даша и я пошли с А. Г. и его сыном Гришей, который был ему уже поводырём, отвезти А. Г. Выходим, а на обеих машинах штрафные колодки, из-за 30 см вне стоянки. Мы вызвали такси и отвезли А. Г. и Гришу. Вернулись и рассказали о колодках на колесах и что мы чуть не опоздали отвезти А. Г. к поезду. "Как к поезду?" "А. Г. поехал с сыном в Будапешт. Там завтра утром у А. Г. доклад." И это почти в девяносто лет!

Позже А. Г. говорил: "Знаете, так здорово жилось до 92 лет, а сейчас начинает потихоньку надоедать. Ничего не меняется, ни люди, ни мысли. Меняется только техника и здоровье."

7) Прощание

В октябре 2007 года приехала я с немецкими студентами в КПИ. Тут же вечером позвонила А. Г. Договорились встретиться завтра у них дома. Утром звоню его жене Люде, чтобы уточнить время. А она мне рассказывает: "После разговора по телефону пошли прогуляться, А. Г. устал, лег спать и ... уснул"...

8) Человек-легенда

Я помню А. Г. как вечно доброжелательную, полную радости и силы раскрепощенную улыбку. Помню тысячи встреч, но никогда не забуду первой. Я была ещё ребенком. Летом. Возле нашего гастронома на Крещатике вышла брату помочь при покупками, как меня попросила мама. Брат старше меня на семнадцать лет. Идем. Жара. Мужчинам особенно жарко потому, что они очень строго и тепло одеты в основном в темное. Вдруг нам навстречу идет человек, на которого все смотрят. Невероятно высокий, веселый, умный, легко одетый во что-то светлое. А вместо брюк что-то, как я тогда потом выяснила шорты.

Ему не жарко и легко. Его шорты расписаны газетным шрифтом, который рассматривают люди. В пятидесятые годы даже слово „принт“, в отличие от слова „шорты“, не существовало в русском языке. .... Оказывается, он знает моего брата...

Они весело разговаривают... А проходящий народ всё посматривает с любопытством на его шорты со шрифтом. Глядя на него и мне перестало быть жарко. Потом я брата спросила: "Кто это?" "Это мой новый шеф." Вот это да! "Ты рад?" "Ещё бы!"